

философских работах, но и в художественных произведениях, в частности, в трилогиях "Христос и Антихрист" и "Царство Зверя". Во второй трилогии /в ее третьей части/ мы, между прочим, читаем:

"Россия не белый лист бумаги, - на ней уже написано: ЦАРСТВО ЗВЕРЯ". Страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ". /"Четырнадцатое декабря"/

Николай Бердяев - мыслитель, ярче которого, пожалуй, никто в веке ушедшем не выразил идею конца мира. Все творчество этого философа насквозь эсхатологично. О конце истории он говорит почти в каждом своем произведении. Его философии присущи отчаянная вера в Свободу и глубокая убежденность в божественной силе Творчества. Бердяев исходит из того, что прогресс, не имеющий конца, бессмыслен. Поэтому смысл истории находится за ее пределами, что логически означает: история кончится. И тогда из бездны поднимется Зверь. Бердяев всегда понимал этот образ как государство, общество, коллектив - любую власть человека над человеком. В уже не раз цитированном мной "Самопознании" он пишет:

"Зверю, выходящему из бездны, можно лишь противопоставить образ Царства Божьего. Но Царство Божье придет и от творческой свободы, от творческой активности человека. И образ Зверя вновь будет ввергнут в бездну". /8, с.310/

Во второй части этого пассажа /см. концовку § 18 - о всяком творческом и моральном акте/ говорится уже о личном конце мира, который вне времени существует, а потому может происходить ежеминутно. Вот почему, резюмируя свои эсхатологические идеи, Бердяев пишет:

"Два выхода открываются в вечность: индивидуальный выход через мгновение и исторический выход через конец истории и мира. Достигнутая в мгновении вечность остается навеки... И я верю последней, окончательной верой в последнюю, окончательную победу Бога над силами ада, в Божественную Тайну, в Бога как тайну, возвышающуюся над всеми категориями, взятыми из этого мира". /Там же/

Пафос этих слов еще и в том, что они были написаны незадолго до смерти великого философа.

**§ 21. Человекобожество и Богочеловечество.** Если позволено будет схематизировать то, что в принципе схематизировать нельзя, допустим, что во взаимоотношениях между человеком и Богом возможны три формулы:

Бог ≠ человек /Бог поглощает человека/  
 Человек ≠ бог /человек попирает Бога/  
 Бог = Человек /человек вмещает в себя человеческого Бога/

Что касается первой формулы, то она столь же древняя, как сама мысль о Боге, хотя и выражалась в разное время и в разных местах по-разному. Наиболее древнее выражение ее находим в Индии. В Упанишадах оно появляется в виде знаменитой фразы *tat tvam asi*:

"Этот человек умирает, и его речь погружается в разум, разум - в дыхание, дыхание - в жар, жар - в высшее Божество. То - действительное, То - Атман. Ты - одно с Тем, Шветакету!"  
 /Чхандогхья-упанишада, или Самаведа, VI, гл.8:6,7/

Растворение в Нирване у Будды в принципе не отличается от этого ведического тезиса. В "Махабхарате", через тысячу лет после Упанишад, читаем то же самое:

\* тот есть ты /ведич. язык, досанскритский/

"Мною, в Моей непроявленной форме, пронизана вся эта вселенная. Все существа находятся во Мне, но Я - не в них".  
/ "Бхагаватгита" /

Далее ту же идею растворения человека развивали, хотя и по-разному, Рамакришна / "всё живое есть Бог" /, синкретические секты Е. Блаватской, Н. Рёриха; у русских ученых она наукообразна. У К. Циолковского в будущем должны превратиться в "животно-растения" и слиться с Космосом. Почти то же - антропокосмизм В. Вернадского. Смысл один: человек, личность поглощается нечеловеческим, безличным, будь то Атман, Вишну, Космос или Тонкие Слои. Идея эта - пантеизм.

В Китае наша первая формула воплощена уже иначе. Ее носители, Лао-цзы / основатель даосизма / и Кун Фу-цзы / основатель конфуцианства / трансформировали ее согласно национальным особенностям китайского народа. Даосизм возводит в Абсолют некое Ничто, призывая к полному бесстрастию и бездействию:

"... мудрец не действует - и не проигрывает, не имеет - и не теряет". / "Даодэцзин", 64 /

Конфуцианство возводит в Абсолют некое "ли" - порядок, государство, субординацию, семью:

"Истина не важна: человек должен поступать так, как велит его положение и "ли". / Луньхой /

В исламе личность не поглощается Богом. Она просто низведена до рабского положения и лишена даже возможности помыслить об ином. Полемизируя с христианством, Мохаммед в запале даже Христа отчитывает:

"Не подобает Милосердному брать себе сына. Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб".  
/ Коран, гл. 19 "Марьям", аят 93, 94 /

Ислам возводит формулу Бог  $\neq$  человек в степень Абсолюта, настойчиво подчеркивая это неравенство, лишая человека любой инициативы, кроме инициативы славить Бога:

"Я ведь создал джиннов и людей только для того, чтобы они Мне поклонялись" / Коран, гл. 52 "Гора", аят 56 /

Что касается второй формулы, то она почти столь же древняя, как и первая. Достаточно вспомнить древнюю греческую и римскую мифологию. Боги Греции и Рима максимально очеловечены, т.е. наделены не только внешностью людей, но и их характерами и страстями. Более того, этих богов вряд ли можно назвать "всёблагими": они имели в равной мере и достоинства, и недостатки людей, могли ошибаться, лгать, прелюбодействовать, мстить и даже раболепствовать друг перед другом. Они запросто общались со смертными, и в их взаимоотношениях люди нередко оказывались нравственнее, благородней.

Здесь необходимо отметить, что такое представление о богах не было присуще всем без разбора грекам и римлянам: были еще Платон и Сенека, Протагор и Марк Аврелий. А Сократ с его моральной проповедью вообще был умерщвлен, хотя его Бог, несомненно, не был похож на лживых и похотливых богов Гомера. Об этом точно сказал в книге "Афины и Иерусалим" / 1938 / Лев Шестов:

"Пусть, на худой конец, боги взлетают с Платином над знанием, но Бог, взлетевший над моралью, есть уже не Бог, а чудовище. Это убеждение можно было вырвать у Сократа только разве с его душой". / II 4, т. I, сс. 532, 533 /

Среди самих греков находились, как сказано выше, критики очеловечивания богов. Так, Ксенофан писал об этом:

"Что среди смертных позорным сльвет и клеймится хулою -  
То на богов возвести ваши Гомер с Гесиодом дерзнули:  
Красть, и прелобы творить, и друг друга обманывать хитро".

С появлением христианства боги Эллады умерли, как и полагается людям, даже если они возмечтали о бессмертии. Не умерли прекрасные мраморные боги, навеки запечатлев обожествленный человеческий образ. Но и среди представителей христианской цивилизации не перевелись жалающие не только сравняться, но и стать богами во плоти. Началось это гораздо раньше Ф. Ницше, но на русского человека его непривычный Сверхчеловек произвел неизгладимое впечатление. Проекты человекобожества мы видим еще до Ницше в "Братьях Карамазовых" Достоевского. Черт говорит Ивану:

"Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире."  
III Человек возвеличится духом... и явится человеко-бог".

Иван чутко улавливает, что вопрос о совести - это и вопрос о Боге, а потому говорит Черту, совсем в духе Ницше:

"Совесть! Что совесть? Я сам ее делаю. По привычке. Так отвыкнем от нее и будем боги!"

О том, что Лев Толстой в своей проповеди был не чужд человекобожеству, говорит упомянутый выше эпизод полемики с ним Н. Федорова /см. § 8/. Вся религия толстовства с ее обожествлением домотканой этики и сермяжной эстетики есть антихристианство.

Для В. Розанова, который и ненавидел, и побаивался Христа, человекобожие заключалось в желании очеловечить Бога не духовно, а именно телесно. Он считал, что

"Связь пола с Богом - большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, - выступает в том, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами". /74, с. 52/

В еще одной ипостаси человекобожество явилось в виде человеческого интеллекта во фрейдизме. В 1927 году З. Фрейд пишет, что придет время примата интеллекта, который

"...как можно предвидеть, поставит те же цели, осуществления которых вы ожидаете от вашего Бога". /107, с. 140/

Но самым длительным проявлением человекобожества был коммунизм. В той части § 7, которая посвящена марксизму, я уже упоминал о богостроительстве. Так вот, несмотря на "разгром" его Лениным, именно оно и стало идеологией "практического коммунизма". Каким образом? Тем же самым, как в экономике большевики подменили Маркса Дюрингом, а в политике "чистого", некровадного Ленина - сталинизированным Троцким. Уже после смерти вождя "марксист-махист" Анатолий Луначарский как ни чем не бывало, издает "Основы позитивной эстетики", где, между прочим, заявляет:

"Прогрессивная эволюция ведет к укреплению жизни в природе, и венец такой эволюции мы видим в человеке... Эстетика оказывается одной из отраслей биологии как науки о жизни вообще".  
/48/.

Теория соцреализма, созданная "бывшими" богостроителями Луначарским и Горьким, - чистой воды человекобожество. И оно, даже вопреки воле покойного вождя, более 70 лет было официальной идеологией коммунистов. Луначарский утверждал, что даже если правда не есть истина, но она соответствует соцреализму, то она - истина. Горький призывал к жестокости с природой ради победы над ней человека.

Еще до смерти неудачливого критика богостроительства Ленина, в 1910 году Дмитрий Мережковский писал:

"Если Бог есть ничто, то "человечество есть Бог" /Луначарский/,  
- значит: человечество есть ничто; а следовательно, и социал-  
демократия как религия, основанная на идее человечества как  
Бога, есть ничто; и богостроительство - строительство из  
ничего". /57, с.150/

Думается, что и теперь ни один коммунист не верит, что советская  
власть десятилетиями руководствовалась позитивизмом Маха и эмпирио-  
критицизмом Авенариуса, "подчиненными" Луначарским и Горьким.

Корни третьей формулы - в христианстве. Уже Аврелий Августин  
пишет о с о т в о р ч е с т в е Бога и человека. В его "Проповедях"  
мы читаем:

"...тот, Кто создал тебя без тебя, не оправдывает тебя без тебя.  
Значит, Он творит незнающего, а оправдывает желающего".  
/Sermones/

Такой непохожий на Августина мыслитель, как Мартин Лютер, особо под-  
черкивает Божью волю о взятии Сыном на себя грехов отрекшегося было  
Петра, гонителя Павла, прелюбодеев Давида, т.е., начиная с Адама -  
в с е х людей. Он вкладывает в уста Бога, посылающего своего Сына в  
мир, такие слова:

"Ты - грешник, съевший яблоко в раю... Ты - тот, кто совершил  
грехи всех людей". /"Чтения о Послании к Галатам"/

Еще более непохожий на обоих Якоб Бёме совершенно ясно видит близость  
духа человека и Бога, моля Иисуса Христа:

"...открой Себя во мне, да обретет дух души моей Тебя в себе!"  
/"Christesophia, или Путь ко Христу"/

Века XIX и XX лишь увеличили число тех, кто осознавал: в вере и  
любви человек равен Богу, если Бог человечен. Даже такой "профессио-  
нально страдающий грешник", как Сёрен Кьеркегор, пишет в книге  
"Болезнь и смерть" /1849/:

"Я перед лицом Христа - это Я, возвысившееся до высшей мощи  
благодаря уступке Бога, огромного дара, которым наделил его  
Бог, пожелав и для него также родиться, сделаться человеком,  
страдать и умереть". /39, с.335/

О взаимной нужде человека в Боге и Бога в человеке пишет в книге  
"Я и Ты" Мартин Бубер:

"Ты нуждаешься в Боге, чтобы существовать, и Бог нуждается в те-  
бе". /15, с.345/

О Царстве Божию, царстве свободы, противоположном царству мира сего,  
пишет Артур Шопенгауэр, хотя и не упоминал, как всегда, имени Божьего  
/Мир как воля и представление", 1818/:

"Необходимость - это царство природы, свобода - это царство бла-  
годати". /II9, т.1, с.372/

Ему вторит в своих "Письмах" Петр Чаадаев:

"Этот образ Божий, Его подобие - это наша свобода". /II2, с.88/

Именно христианство, и только оно, впервые заговорило о челове-  
чности Бога. Не о Его человеческом облике, не о Его человеческом харак-  
тере со всеми достоинствами и недостатками, не о Его человеческих  
устремлениях и опасениях, а именно о ч е л о в е ч н о с т и как  
способности любить и творить.

Если сравнить Новый Завет со священными книгами других религий,  
то в них можно найти лишь тени, лишь мгновения теней, отбрасываемых  
божеством, когда оно находится рядом с человеком и на равных с ним.  
В "Авесте" Заратустра спрашивает Ахура-Мазду, может ли тот открыться

ему как друг. В Ветхом Завете Иаков борется с Богом, за <sup>что</sup> Господь дает ему второе имя - Израиль. В "Бхагаватгите" бог Вишну в образе Кришны служит колесничим у воина Арджуны - правда, чтобы постоянно поучать его.

Но нигде, ни в одной священной книге не найдем мы таких строк, как в Новом Завете, например, в Евангелиях:

"Пришел к своим, и свои Его не приняли, а тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью и обитало с нами".

/Иоанн, I:II-14/

Именно поэтому многие русские мыслители, от Чаадаева до наших дней, во главу угла христианского учения ставят тезис о Богочеловечестве. Совсем еще молодой Владимир Соловьев издает в 1881 году свою ярчайшую работу "Чтения о Богочеловечестве", где пишет:

"Личность человеческая - и не личность человеческая вообще, не отвлеченное понятие, а действительное, живое лицо, каждый отдельный человек, - имеет безусловное, Божественное значение".

/81, т.3, с.19/

Еще до Соловьева этот тезис разрабатывался славянофилами, которые указывали на явление Бога в историю в качестве Богочеловека, воплощенного "во Христе человеком", который "уразумел всю полноту Божественной праведности" /А.Хомяков/. Для них Богочеловек Иисус Христос есть верховный судия сотворенного во грехе.

Дмитрий Мережковский раскрывал антагонизм основного тезиса христианства и основ любой государственности, противопоставляя Богочеловечество Христа человекобожеству государства как безличной сущности. Именно в личности и в Боге - только в них - В.Соловьев и его последователи видели субъектов Богочеловечества:

"...последовательно проведенные и до конца осуществленные обе эти веры - вера в Бога и вера в человека - сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества". /Там же, с.26/

Николай Бердяев продолжил разработку основного тезиса христианства. Вслед за Соловьевым и другими мыслителями он настойчиво подчеркивал ту неопровержимую истину, что христианский Бог не может быть бесчеловечным - жестоким, мстительным, безразличным. В книге "Философия свободного духа" /1927/ Бердяев писал:

"Христианство есть религия Божественности Троичности и религия Богочеловечества... Человечество есть часть Богочеловечества. Бесчеловечный Бог не есть Бог христианский. Христианство... возносит человека на небывалую, головокружительную высоту".

/12, с.139/

Чутко уловив пробел богословских исследований /как же человек может духовно общаться с Богом, если дух его - от Бога, а значит, человек возвращает Богу от Него же полученное, как в пинг-понге?/, Бердяев обращается к Якобу Вейме и его понятию *Unguid*". В книге "Дух и реальность" /1937/ он пишет:

"Дух не творится Богом, как природа, дух эманурует от Бога, вливается, как бы вдувается Богом в человека... Но дух не только от Бога, дух также от начальной, добытийственной свободы, от *Unguid*'а. В этом основной парадоксе духа - он есть эманация Божества и он может давать ответ Божеству, который не от Божества исходит. Дух не только Божествен, он бого-человечен, бого-мирен, он свобода в Боге и свобода от Бога". /5, с.379/

Так на протяжении двух последних веков развивалась в русской философии и теологии концепция Богочеловечества. И не так уж удивительно, что столь стройную систему взглядов на этот христианский тезис удалось создать именно русским. И прав Владимир Соловьев, когда писал:

"Эта единственная истинная Богочеловеческая, еврейско-христианская религия идет прямым и царским путем посреди двух заблуждений язычества, в котором то человек поглощается Богом /в Индии/, то само Божество превращается в тень человека /в Греции и Риме/." /80, т.4, с.397/

**§ 22. Эволюция общества.** Это скромное исследование касается в основном двух последних веков, а начинались они и для Европы, и для русского народа с мажорных аккордов, даже фанфар в честь великой победы над Наполеоном. Но время шло, всё изменялось...

Возникало то "новое общество", на которое возлагалось так много надежд европейской цивилизацией - прежде всего в гуманистическом духе. Петр Чаадаев в то время писал:

"Итак, истинный характер нового общества надо изучать не в той или другой отдельной стране,, но во всем этом громадном обществе, составляющем европейскую семью; в нем находится истинный элемент устойчивости и прогресса, отличающий новый мир от мира древнего, в нем все великие светочи истории". /112, с.113/

Но время шло. Уже при жизни Чаадаева стали пробиваться ростки тоталитарных учений. Век XX воплотил эти учения в жизнь. И главным испытательным полигоном для этого воплощения стала Россия, наряду с такими же великими государствами - Китаем и Германией. И вот уже Николай Лосский отмечает:

"Ценность свободы и необходимо связанная с нею ценность индивидуального своеобразия личности, требующая свободного исследования истины, свободы совести, свободы мысли, политической свободы, - все это решительно отвергнуто советскими коммунистами. Выработав тоталитарное государство, они стремятся свести всю жизнь каждого человека к задаче служения коллективу". /47, с.328/

Русский народ в полной мере почувствовал на себе всю тяжесть пресса тоталитаризма, потеряв катастрофически много сил и энергии, потеряв многих, слишком многих своих лучших представителей - сначала почти без борьбы, со стиснутыми зубами, а потом постепенно поднимая голову. Думается, что на помощь нам, как ни странно, пришел технический прогресс. Борьба с тоталитаризмом в условиях закрытого общества совсем или почти невозможна. Анри Бергсон так писал об этом:

"Поскольку тенденции замкнутого общества, по нашему наблюдению, продолжают существовать в обществе, которое становится открытым... все эти инстинкты дисциплины сводятся к военному инстинкту". /3, с.310/

В приведенном фрагменте работы французского философа "Два источника морали и религии" /1932/ - все приметы предвоенного времени. У нас все было несколько иначе. С развитием радио, телевидения и пусть даже ограниченным расширением контактов с остальным миром в послевоенное время действительно наметилась тенденция к большей открытости общества. Но никаких "инстинктов дисциплины" уже не было, и это выразилось в том,, как писал академик Сахаров в 1973 году, что

"В широких слоях населения развивается равнодушие к общественным вопросам, потребительская и эгоистическая позиция. Протест же против мертвящей официальной идеологии у большинства носит неосознанный, подспудный характер". /"0 себе"/

Отметив, что движения диссидентов все-таки существуют, /особенно религиозные и национальные/ Сахаров далее уточняет, что часто оппозиционеры сбиваются на шовинизм, а в своем антисемитизме становятся парадоксально близки партийной номенклатуре. Неудовлетворенность, которая не привела в оппозицию режиму, часто принимала антисоциальный характер в виде пьянства, хулиганства, уголовщины.

Но время шло. Экономический кризис, абсолютное отсутствие доверия и вне, и внутри страны, наконец, слишком явственно проступающий маразм дряхлых лидеров заставили "верхи" частично "приоткрыть" общество. В век ТВ и компьютеров этого было достаточно, чтобы за пять лет "похоронить" режим. Новая власть не сумела /да и не могла!/ смягчить социально-экономический кризис, больнее всего ударивший по незащищенным. Люди метались от коммунистов к неонацистам, от демократов к "патриотам"...

Одним словом, демократия и открытость общества не стали еще гарантом стабильности и тем более благосостояния. Полвека назад Иван Ильин выписывал такой "рецепт" русскому народу:

"Русскому народу необходимо дисциплинировать волю и мышление; без этой дисциплины русский человек легко становится беспомощным мечтателем, анархистом, прожигателем жизни".  
/ "Сущность и своеобразие русской культуры" /

Это, пожалуй, верно, если не считать отдельных "но".

Во-первых, необходимо покаяние, ибо в том, что произошло с Россией в XX веке, все мы равно виновны. Покаяние рождает очищение. Во-вторых, необходимо пробудить в себе спящее религиозное чувство, будучи очищенными покаянием. Вера рождает Любовь. В-третьих, необходимо задуматься о своей нравственности, об отношениях с ближними, согласно религиозному чувству. Любовь рождает Надежду.

Приблизительно такой "рецепт" выписывал в 1923 году в книге "Тотем и табу" венский доктор Зигмунд Фрейд:

"Общество покаяется теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия - на сознании вины и раскаянии, нравственность - отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом сознанием вины". /106, с.155/